

УДК 340.1

И. Д. Назаров*Ивановский государственный университет (Шуйский филиал)*

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Рассматривается вопрос о сущности и философско-правовом значении юридического дискурса и юридического языка. Исследуя общие признаки дискурса как социального явления, автор постепенно переходит к определению существенных черт юридического дискурса, пытается сформулировать наиболее общие правила, следование которым способствует эффективному урегулированию специфической ситуации юридического конфликта. Особое значение уделяется проблеме юридического языка, являющегося средством сближения участников юридического дискурса и способствующего достижению цели успешной межличностной коммуникации. Для обоснования доводов используются работы представителей отечественной и зарубежной философской и правовой мысли.

Дискурс, юридический дискурс, межличностная коммуникация, конфликт, юридический язык, речевой акт, перформатив, общезначимое согласие

В течение двух последних десятилетий в России и за рубежом опубликовано значительное количество трудов, посвященных вопросам исследования дискурса и отдельных его видов [1]–[6]. Учеными обосновываются определения понятия «дискурс», анализируется содержание и сущность этого явления, устанавливается связь дискурса с другими формами коммуникации.

Пребывая в междисциплинарной области знания, понятие «дискурс» получило множество определений, каждое из которых обосновано спецификой изучаемой в рамках конкретной дисциплины проблематики. Выделение какого-либо одного определения было бы неконструктивным, поскольку создало бы препятствие для его комплексного исследования.

В рамках изучения общетеоретического представления о понятии «дискурс», следует обратиться к установлению его основных признаков:

- процессуальный характер;
- тесная связь с процессами мышления;
- диалогический характер;
- большое влияние внеязыковых, социокультурных, психологических факторов;
- направленность на достижение общезначимого согласия;
- социальная значимость;
- наличие установленных правил.

Процессуальный характер дискурса обосновывается прежде всего противопоставлением его письменному тексту – завершенному и статичному образованию. Как пишет В. Е. Чернявская, «дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции – текста» [7, с. 144]. Непосредственно на процессуальный характер дискурса указывает В. З. Демьянков: «Дискурсом называют текст в его становлении перед мыслимым взором интерпретатора» [1, с. 32]. «...Прототипический текст – предмет, а прототипический дискурс – процесс...» [1, с. 50].

Не вызывает сомнения тот факт, что дискурс и текст находятся в постоянном неразрывном союзе. В философском смысле текст – это элемент (структурная единица) дискурса, представляющий собой дискретное полотно текстов. Опираясь на приведенное умозаключение, можно утверждать, что дискурс представляет собой материал, а тексты образуют характерную форму, в которую этот материал облекает творец дискурса.

Большое значение в процессе коммуникации посредством дискурса играют мыслительные процессы его участников. Как отмечает В. Г. Борботько, «при создании дискурса приходит в активное состояние вся языковая система как средство моделирования образа, порождаемого человеческим сознанием» [8, с. 6]. Активная словесно-мыслительная деятельность непосредственных участников дискурса формирует его диалогический характер.

Так, К. Ф. Седов дает следующее определение понятию «дискурс»: «Дискурс – объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально значимого взаимодействия людей» [9, с. 8]. В таком определении прослеживается коммуникативная природа дискурса, включающая в себя диалог и взаимодействие его участников.

Прямое указание на приоритетное значение мыслительных процессов субъектов дискурса создает необходимость ссылки на оригинальную идею «бессубъектного дискурса», сформулированную М. Фуко в философской работе «Воля к жизни». М. Фуко пишет: «Можно предположить, что во всех обществах весьма регулярно существует разноразность дискурсов: есть дискурсы, которые «говорятся» и которыми обмениваются изо дня в день; дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны; и есть дискурсы, которые лежат в основе некоторого числа новых актов речи, их подхватывающих, трансформирующих или о них говорящих, – словом, есть также дискурсы, которые по ту сторону формулирования бесконечно сказываются, являются уже сказанными и должны быть еще сказаны» [10, с. 60]. Эта идея, на наш взгляд, призывает к более глубокому осмыслению природы дискурсивной коммуникации – погрузившись в нее, мы так или иначе осознаем грандиозное и нескончаемое бурление бессубъектного дискурса.

Анализ дискурсивных ситуаций характеризуется набором внеязыковых, социологических, психологических факторов и обстановкой, в которой происходит непосредственная коммуникация. Такая позиция нашла свое отражение в определении дискурса, сформулированном Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [11, с. 136–137].

Жизненная ориентация дискурса прослеживается и в концепции субъективно-психологического времени, предложенной выдающимся отечественным философом С. А. Аскольдовым в своей работе «Время и его преодоление». Ее смысл сводится к утверждению, что время представляет собой имя изменения и имеет прошлое, настоящее и будущее только при том условии, что оно рефлексивируется в индивидуальном «живом» сознании. С. А. Аскольдов пишет: «...всякое время для всех и всегда слагается из трех времен... настоящее в своем центральном серединном пункте для всех же совпадает, т. е. есть некоторое общее «теперь» или «сейчас», однозначность которого в некоторых пределах пространства может быть объективно установлена, а для всего мира с достаточным

.....
основанием мыслима и представляема» [12, с. 82]. Он также делает вывод, что этой силой представления и мышления обладает лишь живое сознание или жизнь вообще [12, с. 82].

Таким образом, можно утверждать, что дискурс связан с реальным временем и представляет собой коммуникативно-лингвистическую жизнь индивида и общества.

Любой речевой акт, совершаемый человеком в процессе коммуникации, так или иначе, имеет своей целью обеспечение значимости собственных индивидуальных притязаний. В случае отсутствия предпосылок конфликтной ситуации эти притязания удовлетворяются на этом уровне непосредственной, «наивной» коммуникации (ответ студента на семинарском занятии, отчет менеджера на совещании руководителей организации и т. д.). Если же на данном уровне достичь согласия не удастся, то в качестве альтернативы прекращения коммуникации или инструментального использования языка (для эмоционального давления на партнеров) выступает дискурс – способ анализа спорного притязания на значимость при помощи приведения аргументов в процессе диалога, осуществляемый с целью достижения общезначимого согласия [13, с. 65–66].

Социальное значение дискурса, влияние его на совершенствование и развитие общественных процессов на протяжении многих лет отмечаются в отечественных и зарубежных исследованиях.

По мнению И. В. Палашевской, «конститутивным признаком институционального дискурса как особого типа общения является выполнение социальной потребности общества организовать свои социальные связи, упорядочить их, регулировать и управлять ими» [14, с. 535].

Положение о социальной значимости дискурса в настоящее время, детально разрабатывается представителями научной школы критического анализа дискурса (Critical Discourse Analysis – CDA). Особенностью этой школы является исследование проблематики дискурса в качестве элемента социальной жизни, который тесно связан с другими ее элементами (study of the relation between discourse, power, dominance, social inequality and the position of the discourse analyst in such social relationships). В качестве основного метода исследования предлагается метод социально-политического анализа дискурса (sociopolitical discourse analysis) [15, с. 283]. Такой подход к определению содержания и метода исследования дискурса наводит исследователей на мысль о связи между конкретным дискурсивным событием и ситуациями, институтами и социальными структурами, придающими ему определенную форму. Более того, дискурс формируется не только в результате указанных социальных практик (social practices), но и сам создает определенные ситуации взаимоотношений между людьми [16, с. 15].

Любому виду дискурса присущи определенные, логически установленные правила, причем, чем сложнее содержание и выше значимость дискурса, тем большее количество правил требуется для его обеспечения.

Основными правилами ведения дискурса являются:

– открытость участия в дискурсе для любого лица, владеющего набором коммуникативных инструментов (способность к речи, конклюдентным действиям и т. д.);

– запрет на применение в качестве аргумента принуждения или угрозы применения принуждения;

– построение аргументационной стратегии участника должно быть направлено на уважение позиции оппонента и достижение обоюдного согласия.

Указанные свойства дискурса свидетельствуют о многогранной природе и широте проблематики дискуссионных исследований. Как замечает К. Ф. Седов, «дискурс напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), конкретно-ситуативную, речемыслительную, формально-структурную и многие др. Каждая из граней рассматриваемого феномена может стать основанием для выделения особого аспекта рассмотрения дискурса, который в свою очередь способен сформировать самостоятельный раздел в общей теории дискурса» [9, с. 8].

Понятие юридического дискурса (*legal discourse*) широко применяется отечественными и зарубежными учеными, научные интересы которых находятся в сфере правовой (юридической) коммуникации. Так, известный американский правовед П. Гудрич понимает под юридическим дискурсом «методологию чтения юридических текстов, которая помещает коммуникативные или риторические функции закона в их институциональный и социолингвистический аспект» [17, с. 205]. Исходя из данного определения, П. Гудрич выступает за критический, междисциплинарный и интертекстуальный подход к юридическому тексту, не учитывая, однако, особенностей поведения и взаимодействия участников конкретной коммуникативной ситуации. Это обстоятельство делает определение П. Гудрича неприменимым для комплексного объяснения понятия «юридический дискурс». Восполнить «пробел» можно, обратившись к отечественным исследованиям вопроса юридического дискурса.

И. В. Палашевская дает следующее определение понятию «юридический дискурс»: «Юридический дискурс как разновидность институционального дискурса представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых представлений и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» [14, с. 535]. Исходя из указанного определения, юридический дискурс трактуется как форма взаимодействия его участников, а не как методология чтения юридических текстов. Право, являясь по своей сути эффективным регулятивным инструментом, упорядочивает такое взаимодействие и наделяет его участников корреспондирующими субъективными правами и юридическими обязанностями. Обоснование своих притязаний осуществляется участниками юридического дискурса посредством определенного набора деяний (действия и бездействия), которые представляют собой внешне выраженные, целенаправленные, влекущие за собой определенные юридические последствия поведенческие акты. Примером таких деяний может служить отказ от направления акцепта на полученную оферту (бездействие) или наоборот, его направление (действие). В данном случае юридические последствия находятся в прямой зависимости от поведения участников юридического дискурса, осуществляющих свою деятельность в рамках складывающихся между ними правоотношений. Следует отметить, что указанные деяния совершаются в установленной правовыми нормами форме (речевой, письменной, конклюдентной) и зачастую обусловлены предписаниями процессуального характера и правилами дискурсивных жанров. Так, в случае несоблюдения письменного условия о задатке уплаченная по договору сумма считается внесенной в качестве аванса (ст. 380 ГК РФ). В данном случае по причине отказа от совершения определенного установленного в правовой норме действия (соблюдения письменного порядка) подлежит изменению не только размер возвращаемых в случае нарушения положений договора денежных средств (задаток в двукратном, аванс в однократном), но меняется и сама их юридическая природа (задаток –

обеспечение исполнения обязательства, аванс – предварительное исполнение обязательства). Аналогичная ситуация возникает в случае несоблюдения существенных условий заключения того или иного вида сделок, заключения мнимых, притворных сделок (ст. 170 ГК РФ), нарушения порядка совершения сделок гражданами, которые по решению суда признаны недееспособными (ст. 171 ГК РФ) и т. д. Приведенные примеры отражают отличительную черту правоотношений, которая заключается в том, что желаемые для субъектов юридические последствия наступают исключительно в случае полного соблюдения установленных правовыми нормами предписаний.

Другого подхода к определению понятия «правовой дискурс» придерживается А. М. Пономарев. Под «правовым дискурсом» он понимает: «...совокупность тематически однонаправленных высказываний, кодируемых различием “правовое/неправовое”, содержанием которых являются отношения с характеристикой “обладающие свойством юридичности”. Эти высказывания строятся по модели логических определений, высказываний и суждений, а система в целом способна рефлексировать основания дискурсивных высказываний. Рефлексия осуществляется в форме операционализации понятия “права” в метатеории, каковой с изложенной точки зрения выступает содержательный анализ категории “трансцендентальный субъект”» [18, с. 32]. По нашему мнению, указанное определение «правового дискурса» является адекватным, однако говоря о совокупности однонаправленных высказываний, строящихся по модели логических определений, высказываний и суждений, А. М. Пономарев забывает о непредсказуемости правового (юридического дискурса) и ориентации его участников на аргументацию спорных притязаний. При таких обстоятельствах стороны зачастую осуществляют выход (временный выход) из стройной модели однонаправленных логических суждений и прибегают к безнравственным речевым тактикам подлога, дискредитации и даже запугивания. Практика показывает, что деформация содержания и характера юридического дискурса на всем его протяжении может находиться в постоянном изменении в зависимости от поведенческой ориентации его участников.

Большое значение для достижения согласия в процессе юридического дискурса играет язык, при помощи которого стороны обосновывают имеющиеся у них притязания. Следует отметить, что в зависимости от вида юридического дискурса будут меняться особенности юридического языка и юридической техники. Так, для составления гражданско-правового договора используется одна юридическая лексика и техника, для подготовки искового заявления другая, для написания заявления о совершении преступления третья, для подготовки судебного акта четвертая. По мнению А. С. Александрова, «речедетельность – суть юридической практики и способ существования права» [19, с. 72].

Бесспорно, успешная коммуникация возможна только при наличии адекватных для нее средств. Юридический язык, являясь таким средством, выступает в качестве объединяющего фактора участников юридического дискурса. В процессе коммуникации все профессиональные участники юридического дискурса говорят на профессиональном юридическом языке, используя специальные термины, дефиниции, языковые конструкции. И. В. Палашевская замечает, что для осознания смыслов, которые «участники дискурса вкладывают в такие концепты, как “подозрительная личность”, “разумное подозрение” (reasonable suspicion), и почему они поступают определенным образом, можно лишь исследовав различные повторяющиеся ситуации институционального общения и “само собой разумеющиеся” правила, на основе которых эти ситуации строятся» [14, с. 536]. Ука-

занный подход, свидетельствует о ключевом значении контекста при осуществлении анализа юридического дискурса, выявлении и толковании его явных и скрытых смыслов.

Следует отметить, что юридическая лексика иногда используется для осуществления сторонами неких юридически обоснованных действий. Наиболее детально этот вопрос исследовал британский философ Джон Лэнгшо Остин, разработавший теорию перформативных высказываний. Термин «перформатив» происходит от английского слова *perform* (исполнять, выполнять, делать, осуществлять) – обычного глагола, соотносимого с существительным *action* (действие) [20, с. 27]. В рамках своей теории Дж. Остин утверждал, что длительное время, единственным назначением «утверждения» (*statement*) выступало описание какого-либо положения дел или «утверждение» некоего факта, причем обязательно либо в качестве истинного, либо ложного. Однако со временем многие исследователи пришли к выводу, что существуют высказывания, похожие на утверждения, вовсе не предназначенные для сообщения или фиксации непосредственной информации о фактах. Высказываниями, которые ничего не «описывают», не «сообщают», не «констатируют», не являются «истинными или ложными», являются, например:

– «I do (sc. take this woman to be my lawful wedded wife) «Да (т. е. я согласен взять эту женщину в жены)» – высказывание в ходе брачной церемонии;

– ... I give and bequeath my watch to my brother «Я завещаю свои часы брату» – слова из завещания;

– ... I bet you sixpence it will rain tomorrow «Держу пари на шесть пенсов, что завтра будет дождь» [20, с. 26].

Из указанных примеров следует, что приведенные утверждения не являются описанием или утверждением определенного акта. Произнесенное утверждение и есть осуществленное действие. Все перечисленные высказывания не являются ни истинными, ни ложными. Передача часов – это и есть произнесение (в соответствующих обстоятельствах) слов «передаю и т. д.». Когда мы говорим «Да» в суде, в загсе, родным и т. п., мы не сообщаем о своем действии, а осуществляем его.

Несмотря на возможность осуществления юридически значимых действий посредством речевого акта, большинство из них осуществляются в письменной или конклюдентной форме. Это обусловлено частотой совершаемых юридически значимых действий (ежедневное приобретение продуктов в магазине, когда не требуется речевого или письменного акта) либо наличием существенных финансовых рисков для сторон (купля-продажа недвижимости, когда документ может служить доказательством совершения данного действия).

Многочисленные элементы юридического языка, например латинские термины (*mens rea* – намерение причинить вред; *ab initio* – от начала; *certiorari* – истребование дела и т. д.), британские архаизмы (*writ* – исковое заявление, судебный приказ; *ordeal* – испытание, ордалии; *witness* – свидетель и т. д.), юридические обороты и формулы, выражающие авторитет права, продолжают существовать в юридической коммуникации и в настоящее время, соединяя настоящее и будущее, выражая преемственность и стабильность права.

Другая важная особенность юридического языка заключается в том, что его понятия характеризуются такими свойствами, как двусмысленность и неясность. Исследование этой проблемы, нашло свое отражение в концепции «открытой текстуры», разработанной известным британским философом права Г. Хартом. Он пришел к выводу, что «открытая

текстура» является неизменным свойством языка права, поскольку все юридические термины содержат в себе неясность и неопределенность [21, с. 131]. Применительно к проблематике юридического дискурса «открытая текстура» юридических норм должна восприниматься как благо, нежели как недостаток в том смысле, что это позволяет участникам юридического дискурса разумно истолковывать правила, которые могут применяться для урегулирования постоянно изменяющихся общественных отношений, что в конечном итоге, так или иначе стимулирует социальное развитие.

В заключение необходимо сделать следующие выводы. «Дискурс» представляет собой феномен междисциплинарной области знания, обладающей большим количеством значений, каждое из которых обоснованно спецификой изучаемой в рамках конкретной дисциплины проблематики.

Основными признаками дискурса являются: процессуальный характер, тесная связь с процессами мышления, диалогический характер, большое влияние внеязыковых, социокультурных, психологических факторов, направленность на достижение общезначимого согласия, социальная значимость, наличие установленных правил.

Процессуальный характер дискурса обосновывается прежде всего противопоставлением его письменному тексту – завершенному и статичному образованию.

Приоритетное значение мыслительных процессов субъектов дискурса создает необходимость ссылки на оригинальную идею «бессубъектного дискурса», которая призывает к более глубокому осмыслению природы дискурсивной коммуникации.

Дискурс связан с реальным временем и представляет собой коммуникативно-лингвистическую жизнь индивида и общества.

Юридический дискурс представляет собой часть институционального дискурса, которая характеризуется ориентированно обусловленным взаимоотношением его субъектов, исходя из выбранных ими речевых и поведенческих тактик, основывающихся на конкретных правовых и нравственных нормах в определенной ситуации юридической коммуникации.

Большое значение для достижения согласия в процессе юридического дискурса играет язык, при помощи которого стороны обосновывают имеющиеся у них притязания. В зависимости от вида юридического дискурса будут меняться особенности юридического языка и юридической техники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Что такое «судебная лингвистика» и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса / А. С. Александров // Школы и направления уголовно-процессуальной науки: докл. и сообщения на учр. конф. Междунар. асс. содействия правосудию, СПб., 5–6 окт. 2005 г. URL: <http://www.iuaj.net/lib/konf-MASP/aleksandrov.htm> (дата обращения: 10.01.2017).
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс: лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Аскольдов С. А. Время и его преодоление // Мысль. 1922. № 3. С. 80–97.
4. Боротько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2007. 288 с.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как слова обыденного языка // Язык. Личность. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. 423 с.

8. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 535–540.
9. Пономарев А. М. Некоторые дискурсивные аспекты анализа права // Дискуссия. 2012. № 2. С. 29–32.
10. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
11. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. П. Серио. М.: Прогресс, 2002. С. 12–53.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
13. Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
14. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 302 с.
15. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интеллектуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
16. Goodrich P. Legal Discourse. London: Macmillan Press, 1987. 375 с.
17. Mills S. Discourse. New York: Routledge, 1997. 177 с.
18. Scollon R., Scollon S. W. Intercultural Communication: A Discourse Approach. Oxford: Blackwell, 2005. 316 с.
19. Shiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford, UK: B. Blackwell, 1994. 470 с.
20. Teun A. van Dijk. Principles of critical discourse analysis // DISCOURSE & SOCIETY. 1993. Vol. 4 (2). С. 249–283.
21. Wodak R. Disorders of Discourse. London: Longman, 1996. 200 с.

I. D. Nazarov

Ivanovo State University (campus in Shuya)

ABOUT THE QUESTION OF THE CONTENT OF LEGAL DISCOURSE AND LEGAL LANGUAGE: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS

The article examines the nature and philosophical and legal significance of the legal discourse and legal language. Exploring common signs of discourse as a social phenomenon, the author gradually turns to the definition of the essential features of the legal discourse, trying to formulate the most general rules, the observance of which contribute to the effective settlement of the specific situation of a legal conflict. Particular importance is paid to the problem of legal language, which means convergence of members of the legal discourse and contributes to the goal of successful interpersonal communication. To substantiate the arguments set out in the article, the author uses the works by representatives of Russian and foreign legal and philosophical thought.

Discourse, legal discourse, interpersonal communication, conflict, legal language, speech act, performative, universally valid consent

---